

МЕЖСЕЛЕННОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО КОЧЕВОГО И ПОЛУКОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1920-Е ГГ.: ЭТАПЫ, ОСОБЕННОСТИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

INTER-SETTLE LAND MANAGEMENT WORKS NOMADIC AND SEMI-NOMADIC POPULATION IN MOUNTAIN ALTAI IN THE 1920S: STAGES, FEATURES, RESULTS

M. Katashev

Summary. In this article, based on archival documents, an attempt was made to consider the course and features of inter-settlement land management in the Altai Mountains in the 1920s. The main tasks of inter-settlement land management are highlighted: streamlining land relations and settlement of disputes between national communities in land use. The article shows that during land management measures, these problems were resolved. It was found that the inter-settlement land management works intensified the desire of the Altai population to engage in agriculture. In the traditional household system of the semi-nomadic population field cultivation began to play a more significant role.

Keywords: inter-settlement land management, nomadic and semi-nomadic population, land conflicts, land use, traditional land use system.

Каташев Максим Степанович

К.и.н., с.н.с., БНУ Республики Алтай «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова» (г. Горно-Алтайск)
kms_37@mail.ru

Аннотация. В данной статье, на основе архивных документов, предпринята попытка рассмотреть ход и особенности межселенного землеустройства в Горном Алтае в 1920-е гг. Освещены основные задачи межселенного землеустройства: упорядочение земельных отношений и урегулирование спорных вопросов между национальными общинами в землепользовании. В статье показано, что в ходе землеустроительных работ указанные проблемы удалось разрешить. Установлено, что межселенные землеустроительные работы усилили стремление коренного алтайского населения к занятию земледелием. В системе традиционного хозяйствования полукочечевого населения полеводство стало играть более значимую роль.

Ключевые слова: межселенное землеустройство, кочевое и полукочечное население, земельные споры, землепользование, традиционная система хозяйствования.

После завершения Гражданской войны открылись возможности для аграрных преобразований, провозглашенных большевиками после прихода к власти. Процесс становления новой системы земельных отношений в стране в значительной степени формировались и укреплялись при помощи землеустройства. Оно являлось одним из основных составляющих элементов земельной политики советского государства в 1920–1930-е годы.

В национальных регионах Сибири, и в частности, в Горном Алтае (с 1922 по 1949 гг. — Ойротская автономная область), землеустройство имело свои особенности, которые во многом определили его направленность и характер. Региональная специфика заключалась в многоэтничности и присутствии разных типов хозяйствования национальных общин в Горном Алтае. Русское население вело преимущественно земледельческое хозяйство с широким распространением скотоводства, коренное население — кочевое скотоводческое, и смешанное полукочечное скотоводческо-земледельческое. Сосуществование разных типов хозяйства порождали

запутанность в земельных отношениях. При этом власти ставили цель перевода кочевых и полукочечных хозяйств к оседлому образу жизни. Кочевая система хозяйствования объявлялась отжившей и нецелесообразной, земледельческий труд назывался единственной ей альтернативой.

Указанные особенности обусловили ход землеустроительных работ в Горном Алтае.

Землеустройство в национальных регионах Сибири, разные аспекты его последствий исследованы Ф.Л. Сидниным [12]. Автор в проведении землеустройства видел один из методов интеграции кочевых сообществ в советскую систему. По мнению исследователя, землеустройство, которое проводилось, в первую очередь, в целях сглаживания межнациональных противоречий, зачастую приводило к противоположным результатам. К началу 1930-х гг. кочевые общества по-прежнему оставались вне влияния государства, а окончательное включение в его структуру произошло после форсированного перевода кочевников к оседлости.

Экономическое развитие Горного Алтая в годы социалистической реконструкции и форсированной модернизации (1920–1930-е гг.) получили достаточно подробное изучение в отечественной историографии. Вопросы землеустройства рассматривались в советский период В.А. Демидовым [8] и Н.В. Екеевым [9]. Исследователи в своих трудах отметили урегулирование земельных отношений как одно из важных следствий межселенного землеустройства. Показаны источники финансирования землеустройства, его ход. В.А. Демидов охарактеризовал внутриселенное землеустройство как важнейший инструмент ограничения влияния «байства» в экономической жизни алтайцев-скотоводов.

Н.В. Екеев подробно остановился на анализе процесса землеустройства в земледельческих и животноводческих аймаках области. Автор четко выделяет два этапа землеустройства в Горном Алтае, хронологическим рубежом которых выступают 1927–1928 годы. Сделан вывод о том, что на первом этапе роль «байства» в пользовании естественными угодьями сохранялась. Но на втором этапе, в ходе внутрихозяйственного землеустройства, зажиточные скотоводы потеряли свое влияние на кочевую и полукочевую общину, поскольку зажиточным скотоводам целенаправленно отводились пастбища и сенокосы худшего качества.

В 2000 г. вышел второй том «Истории Горного Алтая», посвященный периоду с 1900 по 1945 гг. В издании землеустройству отведен отдельный параграф [10], однако основное место в нем занимает землеустройство оседлого населения, а землеустроительные работы в среде полукочевников и кочевников остались вне внимания автора.

На современном этапе вопрос землеустройства коренного населения рассматривала М.В. Белозерова, но отдельным аспектом, как часть переселенческой политики государства [1]. Исследователем подробно рассмотрены переселенческая политика во взаимосвязи с землеустройством в 1920-е гг.

Несмотря на то, что тема землеустройства полукочевого и кочевого населения Горного Алтая получила достаточно подробное изучение, остается слабо разработанным аспект изменений в землепользовании полукочевого и кочевого населения Горного Алтая. Указанная тема включает целый ряд взаимосвязанных аспектов: переселение, политику коллективизации, переход к оседлости кочевого и полукочевого населения и др. Нас же интересует, насколько мероприятия по землеустройству, проводимые Советским государством, повлияли на изменение системы землепользования полукочевого и кочевого населения в Горном Алтае.

Землепользование в Горном Алтае в 1922 г. характеризовалось рядом накопившихся проблем, которые сдерживали развитие сельского хозяйства в области и создавали почву для межнациональной напряженности. Стояла необходимость исключить запутанность в земельных отношениях как на внутриселенном, так и межселенном уровнях. Для решения этих вопросов требовалось устранить неустойчивость границ между хозяйствами и селениями, спроектировать удобные наделы для кочевого и полукочевого населения, наделить землей бедняцкие хозяйства, нуждавшиеся в пахотных и сенокосных угодьях. Указанные меры должны были привести к трансформации полукочевого и кочевого хозяйства, его переходу к кооперативным и коллективным формам сельского хозяйства.

Ввиду большой запутанности в землепользовании, в декабре 1922 г. перед земельными органами ставилась первоочередная задача регистрации земельных обществ и землепользователей и выделение излишков для нужд переселения и трудового пользования [11, л. 30б]. Требовалась инвентаризация и учет земель трудового землепользования путем земельной регистрации землепользователей. Необходимо было наделить землей нуждающихся в ней граждан земельных обществ, установить нормы душевых наделов, в зависимости от вида землепользования. Власти ставили целью улучшение землепользования населения при помощи внедрения ветеринарии, племенного дела, агрокультурных мероприятий. Требовалось изыскать средства, выделить кредиты населению для ускорения землеустроительных работ.

Уже в начале землеустроительных работ в 1923 г. выяснилась невозможность ограничения одной лишь земельной регистрацией. Запутанные земельные отношения между отдельными обществами в связи с самовольным захватом земель пришлым населением требовали углубления землеустроительного процесса. Возникла необходимость проведения дополнительных мероприятий: выдел выселков по почину населения; уничтожение дальнотерритории и вклинивания; отвод школьных участков; отграничение черты селений; отвод новых селитебных мест; замена спорных земель путем отрезок и прирезок к смежным селениям; учет земельных излишков и передача их в колонизационный фонд; организация государственного земельного имущества и их эксплуатация; отвод и отграничение лесных наделов и устранение многих других проблем [4, л. 58; 6, л. 26].

Особо подчеркивалась необходимость решения переселенческих задач, в первую очередь — в местах проживания и ведения хозяйства коренного алтайского кочевого и полукочевого населения [7, л. 38]. Учитывая его тяжелое положение, была выявлена необходимость к немедленному открытию землеустроительных работ

в районах, заселенных коренным алтайским населением, в особенности в земельных обществах, где скопились спорные вопросы между алтайским и русским населением [6, л. 26об.].

Развертывание землеустроительных работ в области отставало от растущего спроса населения на землеустройство. Областной земельный отдел сразу после окончания первого полевого землеустроительного сезона в 1924 г. постоянно подчеркивал первоочередное значение землеустройства кочевого и полукочевого населения. Обычно первоочередное право в получении земельной регистрации и землеустройство предоставлялось коренному алтайскому населению и русскому населению, проживавшему в местах водворения до принятия ВЦИКом Закона о социализации земли 19 февраля 1918 г. При этом преимущественное право при наделении земель в случае малоземелья получало коренное алтайское население. Во вторую очередь наделялось землей пришедшее русское население, но проживавшее в области до издания «Закона о трудовом землепользовании» 23 мая 1922 г. В последнюю очередь подлежали землеустройству переселенцы, прибывшие в область после принятия указанного Закона 23 мая 1922 г. Данные рекомендации областных советских властей и земельных органов об устройстве кочевого и полукочевого населения в первую очередь, определяли порядок землеустройства в области.

В целом же, по отзывам землеустроителей, отношение алтайцев к русским, особенно — заселившимся до мая 1922 года — оставалось вполне лояльным [6, л. 15]. В докладе начальника землеустроительной партии Мурского о результатах землеустройства говорилось, что фактов, нарушающих интересы коренного алтайского населения, не наблюдается. При возникновении спорных дел, Мурскому были «даны указания и разъяснения» применительно к «требованиям данного момента и защиты национальных интересов алтайского населения при землеустройстве» [6, л. 6об.].

В целом за период 1923–1926 гг. межселенным землеустройством было охвачено 64,4% земель трудового пользования. В алтайских урочищах землеустроительные работы были проведены на площади 957,2 тыс. дес. [8, с. 130] В результате из земель государственного земельного имущества в трудовое пользование было передано 121,1 тыс. дес. земли, из которых 108,9 тыс. дес. земли, или 89,8% — земельным обществам с алтайским и казахским населением. Они представляли собой бывшие земли Кабинета, изъятые в ходе землеустройства 1911–1914 гг. [9, с. 51]

По данным Ойротского Облземуправления, к середине 1925 г. кочевое и полукочевое население проживало

в 160 «хозяйствах» — урочищах и земельных обществах. Средний размер надела земельного общества кочевников составлял примерно 7,5 дес. [6, л. 12].

Межселенное землеустройство заключалось, большей частью, в следующих видах работ: составление подворно-посемейных поимущественных списков и оформление на землеобеспечение; оформление границ надела; оформление лесного надела; отведение школьного участка; образование земельного участка государственного земельного имущества и др. Кроме того, в случае земельных споров между селениями, проводилась работа по уточнению границ, отрезке и прирезке спорных участков, создание колонизационного фонда и т.д.

Государство инициировало своими мероприятиями переход кочевников к оседлости и поощряло развитие полеводства в алтайских скотоводческих хозяйствах. Для этих целей при землеустроительных работах, в соответствии с постановлением Президиума Ойротского облисполкома от 2 сентября 1925 г., на территории зимних пастбищ отводились места для будущих селений [3, л. 95]. На зимниках возводилось простейшее, но теплое жилье [7, л. 38].

Перераспределение пахотно-сенокосных угодий несколько улучшило социально-экономическое положение полукочевого населения, в особенности — середняцких слоев. Однако беднота не получила ощутимых выгод от передела пахотно-сенокосных угодий, поскольку для их хозяйственного использования требовались значительные средства. Малоимущие слои полукочевой общины практиковали сдачу своих земель в аренду русским хозяйствам, либо зажиточным родовичам. Последние же не стремились сдавать свои пахотные участки и сенокосы в аренду, поскольку имели свой доход от земли. Пахотные и сенокосные угодья сдавались бедняками-алтайцами на краткосрочный срок в 1–2 года, однако договоры аренды не регистрировались. В качестве платы брали часть урожая, либо продуктами и вещами, либо скотом и деньгами [2, л. 58]. Средняцкие слои зачастую привлекали наемных рабочих на спашу своих участков. Как правило, отдавали за них часть урожая, либо впоследствии отрабатывали [5, л. 65об.].

Важными результатами землеустройства стал начавшийся переход к оседлости кочевого населения. При определении мест оседания учитывались многие условия природно-географического характера: обеспеченность водотоком, наличие скотопроегонных трасс, обеспеченность пастбищами летними и зимними [3, л. 73].

В 1920-е гг. процесс оседания алтайцев-полукочевников происходил стихийно. Он во многом зависел от экономических возможностей полукочевых обществ

и отдельных хозяйств. Бедняки не выражали желания перейти к оседлости ввиду экономической слабости своих хозяйств. На обработку пашни и возведение построек требовались значительные средства. Например, для одновременного строительства жилых и хозяйственных построек и бани требовалось 400 руб. Середняки также не выражали интереса к оседанию, однако высказывались в пользу передела пахотных земель зажиточных хозяев [2, л. 58, 60].

Другим важным фактором перехода к оседлости являлось близкое проживание с русским населением, ведущим смешанное хозяйство. Алтаец-скотовод зачастую убеждался в большем эффекте от полеводства в сравнении со скотоводством, поскольку занятия полеводством требовали меньшего времени и трудовых затрат в сравнении со скотоводством. Опыт адаптации к условиям восстановления своих хозяйств после гражданской войны показал, что смешанные хозяйства с посевами культур восстанавливались более высокими темпами [7, л. 37об.].

Большое внимание власти уделяли повышению качества земельных угодий. Эту работу планировалось проводить одновременно с землеустройством и оседанием кочевников. Решения власти придали дополнительный импульс процессу оседания кочевников.

Итак, в период 1923–1927 гг. межселенное землеустройство в Горном Алтае (Ойротии) было направлено — во-первых, на упорядочение земельных отношений, во-вторых — на передачу свободных земель в трудовое пользование. К середине 1920-х гг. в ряде мест, где соседствовали разные формы землепользования, сохранялась неопределенная ситуация по вопросу об использовании спорных земельных угодий между оседлыми переселенцами-земледельцами и кочевым и полукочевым населением. Межселенное землеустройство в целом к 1927 году устранило указанную проблему. Важным итогом межселенного землеустройства стало увеличение трудового землепользования за счет передачи полукочевому населению пахотных земель. Алтайское полукочевое население настойчиво и последовательно демонстрировало заинтересованность в пользовании пахотными угодьями. После межселенного и с началом внутриселенного землеустройства земледелие в полукочевых алтайских хозяйствах смешанного типа получило дальнейшее поступательное развитие.

Таким образом, землеустроительные работы в среде полукочевого населения накануне сплошной коллективизации не вносили существенных перемен в жизнь алтайцев. Сохранялся полукочевой быт, однако земледелие стало играть большую роль в их хозяйственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерова М. В. Переселенческая политика и некоторые проблемы хозяйственного освоения Южной Сибири в 1910–1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. № 1(9). С. 118–122.
2. Государственный архив социально-политической документации Республики Алтай (ГАСПД РА). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 44.
3. ГАСПД РА. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 73.
4. ГАСПД РА. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 78.
5. ГАСПД РА. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 173.
6. ГАСПД РА. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 179.
7. ГАСПД РА. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 206.
8. Демидов В. А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской авт. обл. Новосибирск: Наука, Сиб. отд.-ние, 1970. 224 с.
9. Екеев Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988. 208 с.
10. История Горного Алтая. В трех томах. Том второй. 1900–1945 гг. / под ред. Н. М. Екеевой, Н. Ф. Иванцовой. Бийск: НИЦ БигПИ, 2000. 223 с.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 1489.
12. Сеницын Ф. Л. «Погоня за населением»: Советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. № 4(2018). С. 126–141.

© Каташев Максим Степанович (kms_37@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»